РЕПОРТАЖ ИЗ ЗАПОВЕДНИКА ИМЕНИ БЕРИЯ

Депутатам Верховного Совета УССР.
От политического заключенного
МОРОЗА, Валентина Федоровича.
(Мордовская АССР, ст. Потьма,
п/о Явас, п/я 385/11).

Погоня кончилась. Беглец вышел из кустов: "Сдаюсь, не стреляйте! Оружия не имею!". Преследователь подошел почти вплотную, деловито оттянул затвор автомата и одну за другой всадил три пули в живую мишень. Раздались еще выстрелы: это два других беглеца, которые тоже сдались, были расстреляны. Тела вынесли на шоссе. Овчарки лизали кровь. Как всегда, жертвы были привезены и брошены у ворот лагеря, на страх другим. И вдруг трупы зашевелились: двое были живы. А стрелять уже невозможно: вокруг люди.

Это не начало детективного романа. Это - не история о беглецах из Бухенвальда или с Колымы. Это случилось в сентябре 1956 г., уже после того, как XX съезд осудил культ личности, а критика сталинских преступлений шла полным ходом. Все написанное здесь может подтвердить Альгирдас Петрисявичус, который находится в лагере № 11 в Мордовии. Такие случаи были будничным явлением.

Неширокой полосой вытянулась с запада на восток зеленая Мордовия. Зеленая на карте, зеленая в действительности. Посреди славянского моря - островок звучных мордовских названий: Виндрой, Явас, Потьма, Лямбирь. В северо-западном углу - Мордовский государственный заповедник. Здесь царит закон, охота строго запрещена. Но есть еще одна охота, не обозначенная ни на каких картах, где охотиться можно круглый год. На людей.

Если бы составить точную карту Мордовии, северо-западный

угол ее пришлось бы разделить на квадраты, разгороженные колючей проволокой и усеянные сторожевыми вышками. Это мордовские лагеря - край колючей проволоки, овчарок и охоты на людей. Здесь, среди колючей проволоки, вырастают дети. Их родители после службы косят сено и копают картофель. "Папа, был шпион? А что ты нашел?" Затем они подрастут и усвоят первую житейскую мудрость этих краев: "Лагерь - это хлеб". За пойманного беглеца выдают пуд муки. В алдановских лагерях было проще: якут приносил голову и получал порох, соль, водку. Как у даяков острова Борнео. Только голову приносили не вождю, обвешанному монистами из человеческих зубов, а майору или капитану, который учился заочно в университете и читал лекции о законности. В Мордовии от такой традиции пришлось отказаться: слишком близко Москва. Попадет, чего доброго, такой трофей в руки иностранного корреспондента - попробуй доказать, что это фальшивка, выдуманная желтой прессой.

Трех литовцев расстреляли, хотя они не были присуждены к расстрелу. Ст. 183 УК позволяет карать за побег тремя годами заключения, а ст. 22 УК УССР даже запрещает "причинять физические страдания или унижать человеческое достоинство" заключенных. Суд Литовской ССР (суверенного, согласно конституции, государства) разрешил кагебистам содержать их в изоляции - не больше.

Украина - тоже суверенное, согласно конституции, государство, которое имеет даже представительство в ООН. Ее суды осуждают тысячи украинских граждан и высылают их... за границу. Небывалый в истории прецедент: государство высылает заключенных за границу. Может быть, на Украине нет места для лагерей, как в княжестве Монако? Но ведь находится место для миллионов русских переселенцев - а вот для политзаключенных украинцев

нет места на родной земле. Тысячи украинцев увезли на восток - и их проглотила неизвестность. Проглотили подвалы Соловков, пески Мангышлака, затем "сталинские стройки" - пирамиды XX века, проглотившие миллионы рабов. Везли не только в арестантских вагонах. "Добровольно" переселяемых тоже пожирает русификаторская мясорубка на безграничных просторах Сибири и Казахстана, и они навсегда потеряны для украинской нации.

Там, где заходит солнце, древние народы помещали страну мертвецов, откуда нет возврата. В будущих украинских легендах такая страна будет помещена на востоке.

Уровень цивилизованности общества определяется тем, как оно заботится о судьбах своих граждан. При катастрофе в бельгийской шахте засыпало несколько десятков итальянцев-эмигрантов. Италия вспыхнула протестами, посыпались правительственные ноты, парламентские запросы. На Украине тоже есть парламент - Верховный Совет УССР. Я не знаю, есть ли там люди, которые помнят о своем праве делать запросы правительству. Я не знаю, помнят ли эти люди о каких-нибудь правах депутата, кроме права поднимать руку при голосовании. Но я знаю, что Верховный Совет УССР, согласно конституции, - высшая власть на Украине. Она поручила одной из подчиненных инстанций - КГБ - арестовывать, судить и распоряжаться дальнейшей судьбой обвиненных в "антисоветской деятельности".

Давайте, уважаемые депутаты Украинского Парламента, хоть раз отложим в сторону разговоры о свиноматках, о бетономешалках и о народнохозяйственном эффекте использования суперфосфата. Пусть эти проблемы решают специалисты. Давайте хоть раз оставим страны Сладкой Зевоты, переселимся в Мордовию и разберемся: а) кто эти люди, вырванные из нормальной жизни и отданные в безраздельное распоряжение кагебистов; б) кому препо-

ручили судьбы этих людей.

В 1958 г. преподаватель философии Фрунзенского мединститута Махмуд Кульмагамбитов (находится в лагере № 11) принес в ректорат заявление: прошу дать расчет. Причина? Несогласие с программой преподавания. Это восприняли как сенсацию. Табун карьеристов, которые наперегонки проталкивались к корыту, бросили под ноги совесть, достоинство, убеждения, лишь бы взобраться выше и перехватить у соседа добычу, никак не могли понять: как это человек может отказаться от 1200 рублей только потому, что у него изменились взгляды? Кульмагамбитов стал рабочим. И вот,в 1962 г. его арестовали. Суд в Кустанае приговорил его к семи годам заключения и трем годам ссылки за "антисоветскую деятельность". В чем же она проявилась? Главным свидетелем обвинения был начальник отдела кадров треста "Соколоврудстрой" Махмудов. Единственное, что он мог сказать в суде, были слова Кульмагамбитова: "Не хочу преподавать то, во что не верю". Так ответил тот на вопрос: "Почему вы не работаете по специальности?" Другие обвинения были такие же. Да и следователь признался: "Вообще-то тебя судить не за что, но у тебя опасный образ мыслей". Случай типичный, будничный в практике КГБ. Не уникальный по откровенности произвола. Как правило, кагебисты стремятся создать хотя бы видимость "антисоветской деятельности". Но здесь, в далекой провинции, даже это не посчитали необходимым сделать и признали, что Кульмагамбитов был осужден за взгляды. Тысячи и тысячи людей судят по этой схеме, хотя "обыгрывают" дело тоньше. Статья 125 Конституции СССР провозглашает свободу слова, печати, манифестаций и организаций. Статья 19 Декларации прав человека, принятой ООН, говорит о "свободе

искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ". Таким образом, статья 62 УК УССР есть ничто иное, как нарушение вышеуказанных законов. Формулировка "агитация или пропаганда, проводимая с целью подрыва или ослабления советской власти" в условиях, когда кагебисты сами определяют степень "подрывности" материала, служит неограниченному произволу.

Ежегодно в Москве издаются десятки книг зарубежных авторов, нафаршированные всяческой критикой советского строя и коммунистической идеологии. Если статья 62 УК действительно закон, то выпуск этих книг необходимо расценивать как наказуемое дело. Закон только тогда закон, когда он обязателен для всех. Где логика: я могу свободно пропагандировать взгляды Гитлера в журнале "Вопросы истории", но за собственноручную перепечатку воспоминаний Гитлера меня будут судить! Таким образом, статья 62 - просто оружие произвола в руках КГБ, дающее возможность бросить за решетку неугодного человека за хранение первой попавшейся книги несоветского издания.

Я и мои товарищи осуждены за "пропаганду, направленную на отделение Украины от СССР". Но статья 17 Конституции СССР ясно говорит о праве каждой республики выйти из состава СССР. Право каждого народа на отделение зафиксировано в Пакте о гражданских и политических правах человека, принятом 21 сессией Генеральной Ассамблеи ООН.

КГБ очень любит словосочетание "националистическая литература". Но что значит это выражение и где критерий определения "националистическая"? Еще недавно произведения Олеся, Гринченко, Зерова считались "националистическими" - теперь они уже не националистические. Мыши еще не изгрызли брошюр, в которых "теоретики", типа Маланчука, называли Грушевского

ручили судьбы этих людей.

В 1958 г. преподаватель философии Фрунзенского мединститута Махмуд Кульмагамбитов (находится в лагере № 11) принес в ректорат заявление: прошу дать расчет. Причина? Несогласие с программой преподавания. Это восприняли как сенсацию. Табун карьеристов, которые наперегонки проталкивались к корыту, бросили под ноги совесть, достоинство, убеждения, лишь бы взобраться выше и перехватить у соседа добычу, никак не могли понять: как это человек может отказаться от 1200 рублей только потому, что у него изменились взгляды? Кульмагамбитов стал рабочим. И вот,в 1962 г. его арестовали. Суд в Кустанае приговорил его к семи годам заключения и трем годам ссылки за "антисоветскую деятельность". В чем же она проявилась? Главным свидетелем обвинения был начальник отдела кадров треста "Соколоврудстрой" Махмудов. Единственное, что он мог сказать в суде, были слова Кульмагамбитова: "Не хочу преподавать то, во что не верю". Так ответил тот на вопрос: "Почему вы не работаете по специальности?" Другие обвинения были такие же. Да и следователь признался: "Вообще-то тебя судить не за что, но у тебя опасный образ мыслей". Случай типичный, будничный в практике КГБ. Не уникальный по откровенности произвола. Как правило, кагебисты стремятся создать хотя бы видимость "антисоветской деятельности". Но здесь, в далекой провинции, даже это не посчитали необходимым сделать и признали, что Кульмагамбитов был осужден за взгляды. Тысячи и тысячи людей судят по этой схеме, хотя "обыгрывают" дело тоньше. Статья 125 Конституции СССР провозглашает свободу слова, печати, манифестаций и организаций. Статья 19 Декларации прав человека, принятой ООН, говорит о "свободе

искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ". Таким образом, статья 62 УК УССР есть ничто иное, как нарушение вышеуказанных законов. Формулировка "агитация или пропаганда, проводимая с целью подрыва или ослабления советской власти" в условиях, когда кагебисты сами определяют степень "подрывности" материала, служит неограниченному произволу.

Ежегодно в Москве издаются десятки книг зарубежных авторов, нафаршированные всяческой критикой советского строя и коммунистической идеологии. Если статья 62 УК действительно закон, то выпуск этих книг необходимо расценивать как наказуемое дело. Закон только тогда закон, когда он обязателен для всех. Где логика: я могу свободно пропагандировать взгляды Гитлера в журнале "Вопросы истории", но за собственноручную перепечатку воспоминаний Гитлера меня будут судить! Таким образом, статья 62 - просто оружие произвола в руках КГБ, дающее возможность бросить за решетку неугодного человека за хранение первой попавшейся книги несоветского издания.

Я и мои товарищи осуждены за "пропаганду, направленную на отделение Украины от СССР". Но статья 17 Конституции СССР ясно говорит о праве каждой республики выйти из состава СССР. Право каждого народа на отделение зафиксировано в Пакте о гражданских и политических правах человека, принятом 21 сессией Генеральной Ассамблеи ООН.

КГБ очень любит словосочетание "националистическая литература". Но что значит это выражение и где критерий определения "националистическая"? Еще недавно произведения Олеся, Гринченко, Зерова считались "националистическими" - теперь они уже не националистические. Мыши еще не изгрызли брошюр, в которых "теоретики", типа Маланчука, называли Грушевского

"злейшим врагом украинского народа", а "Украинский исторический журнал", 1966, № 11, считает, что это ученый "с мировым именем" и цитирует правительственное постановление, где говорится о заслугах Грушевского перед Украиной. Произведения Грушевского и Виниченко готовятся к печати. Где же все-таки критерий?

В том-то и дело, что никакого критерия, опирающегося на фундамент логики, у кагебистов не было и нет. Они пользуются старой сталинской линией по отношению к украинской культуре: "Дави, что можешь и не можешь", фальсифицируют. Шевченко писал:

За що боролись мы с ляхами?
За що різались с ордами?
За що скородили списами
Московски ребра?

Он был слишком велик, чтобы бросить его в небытие, - поэтому "академикам" из Киева приказали выскрести эти слова из "Кобзаря" грязными копытами. Очень не хочется русским шовинистам подставлять собственные ребра под удары национально-освободительной стихии, они привыкли прятаться за татарскими, польскими, английскими. Шевченко вынуждены терпеть. А вот, если что-то подобное написал современный поэт, - дорого обошлись ему "московские ребра"!

В тридцатые годы из украинской культуры было выброшено большинство имен. Цель разгадать нетрудно. Шло к тому, что обескровленная украинская культура не могла быть плотиной против русификаторского вала. Самый выдающийся наш историк Грушевский был спрятан от украинцев; вместо него им тыкали жалкую "Историю УССР" в двух томах, где в качестве главного национального героя Украины фигурировал Петр I, палач украинской свободы. В то же время Соловьев и Ключевский, такие же "буржуазные", такие же "несоветские", свободно стоят на полках - они были русскими историками. Сделали все для того, чтобы молодой украинец имел духовную пищу только в русской культуре и русифицировался.

И если бы кагебисты были последовательны в сталинском толковании национализма - они провозгласили бы националистами всех выдающихся украинцев с Шевченко во главе, не исключая и князя Владимира, который в X веке занимался национальной агитацией "путем изготовления трезубцев" на своих монетах. В конце концов, если бы кто-нибудь из кагебистов захотел получить новую звездочку на погоны и продемонстрировать "бдительность" в борьбе с украинским национализмом, ему можно предложить интересное "дело". Оказывается, украинский национализм существовал уже в VII веке, как свидетельствуют находки изображения трезубца во время раскопок на Старокиевской горе. Правда, есть одна загвоздка: неизвестная фамилия "Бандеры", который изготовил это изображение. Но для бериевских учеников, которые некогда умели находить трубку Сталина в десяти местах одновременно - это пустяк.

История с трезубцем уходит еще глубже: как символ древа жизни он известен у южных народов еще до новой эры, а кроме того, он известен как символ власти морского бога Нептуна. Но это уже тема для Маланчука: раскрыть никем еще не исследованные связи украинского национализма с международным империализмом до нашей эры с целью подрыва морского могущества единой неделимой России. Правда, до новой эры не было названия "Украина", но для Маланчука это не проблема. Сумел же он сделать лидера УСНРП Льва Рыбалко (Юркевича) деятелем СВУ,

"злейшим врагом украинского народа", а "Украинский исторический журнал", 1966, № 11, считает, что это ученый "с мировым именем" и цитирует правительственное постановление, где говорится о заслугах Грушевского перед Украиной. Произведения Грушевского и Виниченко готовятся к печати. Где же все-таки критерий?

В том-то и дело, что никакого критерия, опирающегося на фундамент логики, у кагебистов не было и нет. Они пользуются старой сталинской линией по отношению к украинской культуре: "Дави, что можешь и не можешь", фальсифицируют. Шевченко писал:

За що боролись мы с ляхами?
За що резались с ордами?
За що скородили списами
Московски ребра?

Он был слишком велик, чтобы бросить его в небытие, - поэтому "академикам" из Киева приказали выскрести эти слова из "Кобзаря" грязными копытами. Очень не хочется русским шовинистам подставлять собственные ребра под удары национально-освободительной стихии, они привыкли прятаться за татарскими, польскими, английскими. Шевченко вынуждены терпеть. А вот, если что-то подобное написал современный поэт, - дорого обошлись ему "московские ребра"!

В тридцатые годы из украинской культуры было выброшено большинство имен. Цель разгадать нетрудно. Шло к тому, что обескровленная украинская культура не могла быть плотиной против русификаторского вала. Самый выдающийся наш историк Грушевский был спрятан от украинцев; вместо него им тыкали жалкую "Историю УССР" в двух томах, где в качестве главного национального героя Украины фигурировал Петр I, палач украинской свободы. В то же время Соловьев и Ключевский, такие же "буржуазные", такие же "несоветские", свободно стоят на полках - они были русскими историками. Сделали все для того, чтобы молодой украинец имел духовную пищу только в русской культуре и русифицировался.

И если бы кагебисты были последовательны в сталинском толковании национализма - они провозгласили бы националистами всех выдающихся украинцев с Шевченко во главе, не исключая и князя Владимира, который в X веке занимался национальной агитацией "путем изготовления трезубцев" на своих монетах. В конце концов, если бы кто-нибудь из кагебистов захотел получить новую звездочку на погоны и продемонстрировать "бдительность" в борьбе с украинским национализмом, ему можно предложить интересное "дело". Оказывается, украинский национализм существовал уже в VII веке, как свидетельствуют находки изображения трезубца во время раскопок на Старокиевской горе. Правда, есть одна загвоздка: неизвестная фамилия "Бандеры", который изготовил это изображение. Но для бериевских учеников, которые некогда умели находить трубку Сталина в десяти местах одновременно - это пустяк.

История с трезубцем уходит еще глубже: как символ древа жизни он известен у южных народов еще до новой эры, а кроме того, он известен как символ власти морского бога Нептуна. Но это уже тема для Маланчука: раскрыть никем еще не исследованные связи украинского национализма с международным империализмом до нашей эры с целью подрыва морского могущества единой неделимой России. Правда, до новой эры не было названия "Украина", но для Маланчука это не проблема. Сумел же он сделать лидера УСНРП Льва Рыбалко (Юркевича) деятелем СВУ,

хотя Юркевич и его газета "Боротьба" были противниками СВУ. Старый член КПЗУ Андриян Гошовский (живет в Варшаве) писал о книге Маланчука "Торжество ленинской национальной политики": "Можно только беспредельно удивляться, как ответственный человек мог сделать из Юркевича члена СВУ, в то время как Юркевич был ярым врагом СВУ ("Украиньский календар", Варшава, 1966, стр. 220).

Удивляться, собственно, нечему. Для "историков" типа Маланчука, воспитанных в добрых сталинских традициях, не имеет значения такая мелочь, как исторический факт, когда речь идет о защите позиций русского шовинизма на Украине.

Маланчук не одинок. Живи Гошовский на Украине, он увидел бы еще и не такое. После войны рьяные борцы с украинским национализмом во Львове срезали трезубец даже со статуи Нептуна на площади Рынок. Так и стоял обезоруженный "националистический Нептун" до 1957 года - как памятник бессмертному кретинизму черносотенцев в новой одежде.

Во всех толстых и тощих брошюрах написано, что король Данило Галицкий не принял королевской короны от папского посланца, хотя в Галицко-Волынской летописи утверждается обратное, к тому же Данило после коронации назывался королем, а Галиция - короловском (так значится на карте к учебнику "средних веков"). Вряд ли повредили эти труды "буржуазному национализму", в качестве борцов против которого афишируют себя маланчуки. Кому вообще может повредить такая беспомощная и жалкая писанина? А вот в борьбе с истиной эти ученые мужи достигли ощутимых успехов.

Наверное, фактов достаточно. Можно сделать вывод: люди, осужденные за антисоветскую агитацию и пропаганду, -

это инакомыслящие, либо просто мыслящие, духовный мир которых не поместился в прокрустово ложе сталинских стандартов, старательно охраняемых кагебистами. Это те, кто решился воспользоваться правами, провозглашенными конституцией, кто повысил голос против позорного засилия КГБ, против нарушения конституции. Это те, кто не может усвоить рабскую мудрость с двойным дном, которая велит слова конституции "право на выход Украины из СССР" читать: "молчи, покуда цел". Разберемся теперь, кому отдана монополия "перевоспитывать" нестандартных.

ПОТОМКИ БЕРИЯ И ЕЖОВА

Характеристика человека или среды всегда может грешить субъективизмом. Поэтому всегда лучше иметь дело с автохарактеристикой. И очень хорошо, что автор этих строк располагает пышным букетом автохарактеристик, данных кагебистами себе и своей системе. Кагебисты не скупились на слова и вообще не церемонились в разговорах с заключенными, будучи твердо убеждены, что их слова не вылетят за наглухо обитые двери кабинетов, что ледяной ужас молчания, на котором они соорудили свою Голгофу, никогда не разморозится. Но всякий лед когда-нибудь тает, и слова, которыми рычали нам в лицо на следствии и в лагере, будто провозглашенные в гигантский мегафон, тысячеголосым эхом отозвались во всем мире.

Где корни КГБ? Если мы пройдем до конца теми тропами, которыми спускались в нашу действительность кагебисты, то очутимся в кошмарных дебрях сталинских джунглей.

По Харцызскому избирательному округу Донецкой области депутатом в украинский парламент избран генерал Шульженко,

заместитель председателя КГБ при Совете Министров УССР. Где сделал свою карьеру этот парламентарий? Чтобы в 1967 году стать генералом КГБ, надо быть бериевским лейтенантом или капитаном. Чем занимались капитаны КГБ в 1937 г.? Убивали людей за невыполнение нормы (или просто для забавы) на Колыме. Это уже ни для кого не секрет, об этом пишут московские журналисты. На Украине они расстреливали невинных людей через три дня после ареста. Послушай их - во всем виноват Берия, они же только исполнители приказа. Точно такой же аргументацией оперировали адвокаты на Нюрнбергском процессе. Получалось, что во всем виноват один Гитлер. Но номер не прошел. В немецком языке появилось даже понятие "убийца за письменным столом". Не сомневаюсь, что когда-нибудь оно получит права гражданства и в украинском языке.

Быть может, кагебисты изменились, стали иными? Нет. Они сами с гордостью считают себя потомками Сталина. Уполномоченный украинского КГБ в мордовских лагерях капитан Круть заявил мне: "А какие у вас претензии к Сталину? Ну, были отдельные недостатки, но в целом он заслуживает высокой оценки". А в разговоре с Михайлом Горынем Круть откровенно сожалел: "Жаль, что мы в Мордовии, а не на Севере". Начальник следственного отдела грузинского КГБ Надирадзе сказал в 1968 году поэту Заури Кобалия (находится в лагере № 11) во время следствия: "Ты знаешь, что я был здесь и в 1937 году? Имей это в виду!"

Теперь они не носят "сталинок" и заочно "учатся" в вузах. Обучение заочное в полном смысле слова. Зачетную книжку приносят в институт, и "профессура", с колыбели загипнотизированная словом "КГБ", ставит оценку, не видя студента в глаза.

Представитель Ивано-Франковского КГБ Казаков признался мне: "Вот мы здесь говорили о тоталитаризме. Но ведь я не тоталитатор". А уполномоченный украинского КГБ в лагере № 11 Горащенко расправился одним махом со всеми доводами Масютко относительно нерешенного национального вопроса на Украине: "Вы говорите, национальный вопрос. Да если вдова обратится к председателю колхоза за соломой - разве ж он откажет?" И этим интеллектуалам "поручено безапелляционно решать" вопросы, которые даже в специальных журналах считаются дискуссионными.

Казаков, Круть и кагебист из Киева Литвин "перевоспитывали" меня втроем: "Ну, чего тебе было нужно? Имел хорошую работу, квартиру..." И несколько часов доказывали, что у человека нет ничего, кроме желудка и стольких-то метров кишок. Идея? Защита Украины от русификации? Тут для многих собеседников разговор явно отрывается от реальной почвы и переносится в сферу детских сказок. Они не скрывали, что всерьез его не воспринимают.

Идея... Конечно, в книгах об этом много пишут, да и вообще не принято говорить откровенно, что ты безыдейный. Но чтобы идея действительно была мотивом деятельности - такого они в своей среде не встречали.

Михайло Горынь слышал в львовском КГБ: "Сегодня день чекиста. - Какой день чекиста? Зарплату дают". Ну, а если уж говорить о ней серьезно, то это миф, которым кто-то одурманивал людям голову и который отвлекает человека от нормального существования, покоящегося на трех китах: деньги, властолюбие, женщины. А идея - это разновидность психического расстройства, не совсем, правда, понятного, но с ним приходится считаться как с фактом, наряду с тремя остальными, нормальны-

ми и понятными. Капитан Козлов (Ивано-Франковск) изложил мне это так: "Одного покупают за деньги, другого - женщинами, а некоторых ловят на идею". Чтобы идея самостоятельно зародилась в человеческой голове - такое не допускается. Вот люди, которым поручено "регулировать" духовную жизнь общества.

Было бы наивно считать это состояние вещей случайным "нарушением социалистической законности", отступлением от нормы. Наоборот - это норма на определенных этапах развития общества. Порядок, при котором поэт получает каталог дозволенных образцов, а художник - список дозволенных красок, имеет крепкие корни в прошлом, является порождением определенных сил и отношений. На наших глазах силы эти постепенно тают, а отношения перестают быть нормой общения между людьми. Кагебисты чувствуют это и всю вину сваливают на Хрущева, якобы свалившего идолов, которым когда-то поклонялись без раздумий. С таким же успехом можно считать петуха автором утра, но эта истина чересчур велика для того, чтобы уложиться в черепные коробки генералов и майоров КГБ.

"СТАЛИН БЫЛ - ТАК ПОРЯДОК БЫЛ"

Эти слова капитана Володина, сказанные им на допросе Масютко во Львове, дают больше, чем целые тома, для уяснения генезиса КГБ и роли, исполняемой им теперь.

Порядок бывает разный. Когда весной пробуждаются реки и несут на себе хаос ледяных обломков - это не что иное, как порядок, четкая закономерность, без которой невозможен дальнейший ход жизни. И бывает порядок кладбищенского покоя, достигнутый ценой умерщвления всего живого. Так и в обществе: бывает стабилизация, достигнутая благодаря гармоническому

уравновешиванию всех общественных сил и факторов, и есть "порядок", зиждящийся на их уничтожении. Такого порядка достичь нетрудно, однако, уровень зрелости народа измеряется не им, а умением достичь общественной стабилизации, оставляя при этом максимальный простор для творческой деятельности индивидуума, которая является единственной силой прогресса.

Разум индивидуален. Стало быть, история прогресса - это история развития личности. Так называемая масса ничего не создает - это строительный материал для истории. "Все достигнутое деятельностью разума должно созидаться в голове отдельного человека... Только возбуждение низшей неразвитой степени, которое можно вообще назвать настроениями, возникает, как эпидемия, одновременно у многих личностей и находится в соответствии с умственным обликом народа. Умственные завоевания - дело отдельных личностей" (Рацель).

Возникновение нового (прогресс) возможно лишь как переход через существующую норму, как появление ранее не существовавшего. Сама природа творчества зиждется на небывалом, на неповторимости, а носителем последней является индивидуум. Каждое индивидуальное состояние охватывает одну грань всеобъемлющего, безграничного бытия. Грань неповторимую, которую может отразить только эта личность, и никакая иная. Чем больше этих граней, тем более полную картину мира мы имеем. В этом заключается ценность личности; с исчезновением каждой индивидуальной точки зрения безвозвратно теряется одна из возможностей, а в миллионногранной мозаике человеческого духа перестает сиять еще одна грань.

В обществе были и будут силы, которым невыгодно развитие, для которых сохранение статус кво является гарантией сохранения

их привилегий. (Яркий пример - Сталин в прошлом и сталинисты, пережившие его). Однако время не стоит на месте, сегодня через 24 часа превращается во вчера - и силы, противящиеся изменениям, всегда защищают вчерашний день. Но кто же признается, что он идет против течения могучей реки, называемой историей? Поэтому все стандартизаторы на разных уровнях повторяли одно: "изменения разрушают порядок, разрушают общество". А поскольку зерно всякого изменения скрывается в неповторимости индивидуума, в первую очередь старались стандартизировать его, убить в нем оригинальность. Полностью достичь этого невозможно. Однако степень стандартизации индивидуума всегда была мерилом мощности тормоза, находящегося в распоряжении сил застоя. Платон изгнал Гомера из своей идеальной страны и восхвалял тирана, приказавшего сорвать с лиры струны сверх "положенных" семи. Почему? Платон с изжитой в наше время откровенностью доказывал, что поэзия и музыка - это троянский конь, который незаметно вносит изменения в дух народов. Таким образом, поэзию и музыку лучше всего изгнать, а так как практически это сделать невозможно, то оставалось нейтрализовать их, застандартизировать, гарантировать себя таким образом от неясностей и нововведений. Позже реакционеры уже не были так откровенны и прикрывались "интересами трудящихся". В тридцатые годы новаторство стало отрицательным понятием, а поэтический эсперимент - "если не всегда катастрофа, то всегда срыв - творческий и идейный" ("Радяньска литература", 1938, № 78, стр. 224), который приводит к тому, что "творчество начинает служить для маскировки враждебной идеологии" (Литер. газета, 1934, 24 апр.) "Поэзия социалистического реализма не может мириться с туманностью,

пусть даже красивой" ("Витчизна", 1949, 47).

Но вся суть в том, что изменения разрушают отнюдь не общество, а только те общественные нормы, которые устарели и стали тормозом. Противопоставлять эволюцию и традиции - недопустимо. Эволюция - не отрицание традиции, а ее естественное продолжение, живой сок, не дающий ей окостенеть. Взрыв далеко не всегда разрушает и не просто разрушает: им также устраняют препятствия при строительстве новых дорог. И когда человек становится инакомыслящим, это вовсе не значит, что он ставит себя вне общественной нормы. Этим он не разрушает ее,а, наоборот, делает более осмысленной и полнокровной.

"Единство и однообразие - это разные вещи" (Ф. Бэкон). Для достижения единства вовсе не обязательно однообразие. Вот место, где легко поймать за руку любого деспота при подтасовке карт, когда он пытается поставить знак равенства между единством и однообразием. Точка зрения каждого деспота, которую он хочет навязать в виде "истины", столь же индивидуальна, как и все другие, и имеет право на существование наравне с другими. Сохранение такого порядка, когда все точки зрения должны нивелироваться и сливаться в прокрустовом ложе "истины", провозглашенной великим далай-ламой, нужно вовсе не обществу, а самому далай-ламе, для которого развитие означает гибель.

Исследователь Африки Сегели пишет об африканцах: "Если вождь любил охоту, то все его люди разыскивали себе собак и вместе с ним ходили на охоту. Если он любил музыку и танцы - все проявляли склонность к этому развлечению. Если же он любил пиво - все напивались. Вожди платили своим подхалимам. Так, у всех племен бечуанов имеются люди, владеющие искусством

веселить слуг своего вождя хвалебными песнями во славу его. Они развивают при этом красноречие и используют множество образов: они искусны в танцах с боевым топором и арбузом-бубенцом. Вождь вознаграждает сладкие беседы быком или овцой. Эти песни, до бесконечности повторяющие одну и ту же тему, занимают, к сожалению, первое место в поэзии негров".

Если бы не слово "негры", можно было бы подумать, что речь идет о нашем недавнем прошлом. Песни с боевым топором, бесконечно повторяющиеся перед троном вождя, - как все это знакомо нам с детства!

А если вспомнить, как подобострастно подхватывали каждое оброненное слово не только Сталина, но и Хрущева, если вспомнить, что даже сборник афоризмов "В мире мудрых мыслей" был наполнен не всегда трезвыми разглагольствованиями Хрущева, то придется с сожалением признать, что африканцев мы оставили далеко позади. "Наш народ такой: стоит моргнуть глазом - сразу поймет!" - гордился Хрущев.

Казалось бы, общества-близнецы. Но только на первый взгляд. Африканцам такого порядка никто не навязывал - это естественное состояние, определяющееся уровнем развития. Вождь являлся для них идолом, предметом восхищения, колдуном, врачом, мудрецом и полководцем в одно и то же время. Он для них - полубог. Поэтому и рабское преклонение было искренним и соответствовало внутренней гармонии коллективной личности. Песни африканского придворного певца были славословием вождю и все-таки представляли художественную ценность, так как творческое "я" певца не было раздвоено. Об африканцах прошлого столетия Ратцель писал, что "они подчинялись только абсолютно неоспоримой власти, происхождение которой скрыто во мраке

прошлого, или же, если она происходит из современности, они связывают ее с верой в сверхестественное". Поэтому "даже самых лучших африканских правителей по нашим понятиям следует назвать деспотами. Коли они сами не хотят быть деспотами - их вынудят к этому подданые".

Таким образом, первообщинный деспотизм был естественным и основывался не столько на силе, сколько на добровольном преклонении. (В этом разгадка тайны, всегда удивлявшей европейца: как мог африканский или американский деспот удержать власть на обширной территории при почти полном отсутствии военно-бюрократического аппарата?) Но как утвердить деспотизм в XX веке среди народов, для которых носитель власти с незапамятных времен перестал быть богом и является просто первым среди равных, личностью, избранной для исполнения определенных функций? Как утвердить деспотизм каменного века в душе украинца, который уже в средние века избирал и свергал кошевого и сам мог стать кошевым, который произвел на свет философию Сковороды - этот гимн человеческой личности с ее девизом "познай самого себя"? Философию, в которой "Я" - основа всего, даже Царства Божия, и даже сам Бог - ничто иное, как полноценное "Я". "Кто познал себя, тот нашел желанное сокровище Божие. Источник и воплощение Его нашел в себе самом". "Истинный человек и Бог - одно и то же".

Как принудить современного художника, которому капрал-деспот представляется просто неполноценным существом, исполнять танец с боевым топором перед его троном?

Хрущев не боготворил, он даже был у людей посмешищем - и все же на одно мановение его пальца бежали десятки холуев и напрягалась система "рычагов". Как это удавалось? Очень

просто. Когда боготворение проходит, в силу вступает грубое принуждение. Только принуждением можно заставить современного человека терпеть деспота. Чем больше общество по мере развития в нем личности противится попыткам закрепощения, тем больше усилий должна мобилизовать деспотия, чтобы удержать на поверхности нормы, раньше существовавшие "по инерции"; наконец, она теряет черты патриархальности и превращается в спрута, сковывающего малейшие движения общественного организма. В XX веке появляется неслыханная прежде практика контроля за всеми проявлениями общественной жизни, в том числе даже семейной. Весь жизненный путь человека - от колыбели до гроба - находится под контролем. Стандартизуется даже отдых: уклонение от стандартного культпохода в музей отмечается подозрением. Деспотические формы становятся все более гнусными и вырождаются в освенцимы. Некоторые люди склонны видеть в этом регресс, начало конца всего... В действительности же появление освенцимов доказывает противоположное: деспотия перестает быть нормой человеческих взаимоотношений и вынуждена прилагать надрывные усилия, чтобы удержаться над пропастью.

Но даже при наибольшей стандартизации и контролируемости жизни деспот сталкивается с проблемой, которую невозможно разрешить чисто бюрократическим путем. Можно одеть людей в одинаковую серую одежду, настроить серых жилых домов, сжечь все книги, кроме официального талмуда, - и все же остается щелочка, сквозь которую просачивается пучок света, смертельный для деспотической гнили.

Остается духовный мир человека.

Капитан КГБ Казаков, присланный из Ивано-Франковска в

Мордовию проверить, насколько я "перевоспитался" (то есть деградировал как личность), чистосердечно открылся мне: "Мы, к сожалению, не можем заглянуть, что у вас в голове. Вот если бы можно было собрать и выбросить (!!!) все, что мешает вам быть нормальным советским человеком, не нужно было бы столько разговаривать".

Действительно, это было бы очень выгодно: вынимать и вставлять мысль в человеческую голову, как элемент в электронную машину. Во-первых, так легко уничтожить всякое воспоминание о прошлом. Например, нужно начать кампанию осуждения культа Сталина - всем вставляют определенную программу: завтра ее вынимают - и о Сталине больше ни слова. Или: вышло постановление ликвидировать нации и национальные языки - маленькая процедура, и - никаких тебе хлопот с такими непригодными для программирования вещами, как национальное достоинство, честь, стремление сберечь духовные и культурные ценности. Во-вторых, была бы гарантия, что нигде нет ничего неизвестного, неконтролируемого...

Но это только безумная мечта. Мысль не поймаешь и не посадишь за решетку. Ее даже не увидишь. Какой ужас! Мысль, даже силой вложенная в человеческую голову, не лежит там до подходящего случая, как элемент в электронной машине, а растет, развивается (иногда в направлении, обратном запрограммированному), и установить контроль над этим процессом не может никакая аппаратура. Не один тиран пробуждался в холодном поту, парализованный сознанием своего бессилия остановить это невидимое, но беспрерывное движение в человеческих черепах. Страх перед этой никому неподвластной силой заставил Сталина провести конец жизни в добровольной тюрьме и сделал его маньяком.

Вот откуда желание изгнать Гомеров из общества, срезать лишние струны с лиры. Известна и неослабеваемая ненависть капралов к интеллектуалам, которые даже будучи одеты в мундир солдата или в арестантские лохмотья, остаются нестандартизованными и неразминированными.

"Бойтесь, товарищи, тех, кто спрятал мысль свою за неясностью выражения. Там спрятана враждебная классовая сущность" (Покровский). Отсюда - тотальная борьба не только против инакомыслящих (о них и говорить нечего), но и против самомыслящих. Во время ареста у меня забрали стихотворение Драча "Сказка о крыльях". Я спросил: "В чем дело? Стихотворение напечатано, да и самого автора давно уже перестали ругать за "випрани штаны" и вдруг начали хвалить". Мне объяснили: ни к стихотворению, ни к его автору претензий нет, но стихотворение напечатано на машинке...по чьей-то собственной инициативе. И этот неизвестный тоже распространяет его - тоже по собственной инициативе. В этом опасный грех: человек "самостоятельно желает" и сам порождает мысли, а не пользуется указаниями и не берет мыслей готовых. Можно делать все, но только когда приказано. Пить можно только из одного для всех, строго контролируемого источника с дистилированной водой. Все остальные нужно засыпать, если даже вода в них ничем не отличается. В 1964 году представитель Виленского КГБ, которому поручено фиксировать появление каждого мыслящего существа в местном Пединституте и немедленно зажигать сигнальную лампочку тревоги, назойливо спрашивал меня: "Что за общество мыслящих людей?" Мысль о создании общества мыслящих людей была высказана в виде шутки в веселой компании, но кагебистов она взволновала не на шутку. Конституция дает право

на создание обществ - это охранители нашей безопасности знают. Но при условии, если приказ о создании придет сверху. Тогда все в порядке - даже если бы это общество пыталось организовать землетрясение. Но если бы кто-то захотел создать самостоятельно даже общество по защите рогатого скота - этим делом, вне сомнения, занялись бы органы КГБ.

Так как же все-таки остановить это вечное самодвижение мысли в том случае, когда она осталась живой, пройдя все этапы стандартизации и стерилизации? Есть еще одно последнее средство: заморозить. Заморозить ледяным ужасом. Построить громаднейший рефрижератор для человеческих умов. Расстрел через три дня после ареста. Загадочное исчезновение ночью; расстрел за невыполнение нормы; Колыма, с которой не возвращаются,- вот кирпичики, на которых Сталин построил свое царство ужаса. Ужас наполнил дни и ночи, ужас носился в воздухе, и одно воспоминание о нем парализовало мышление. Цель была достигнута: люди боялись мыслить, человеческий мозг перестал самостоятельно рождать критерии и нормы и считал нормальным принимать их готовыми. Деспотия начинает свое летоисчисление с того времени, когда человек перестает воспринимать насилие над собой как зло и начинает принимать его как нормальное положение вещей ("Начальство мутит. - Ну и что? На то оно и начальство, чтобы мутить"). Выросло поколение людей из страха, и на развалинах личности была воздвигнута империя винтиков.

ИМПЕРИЯ ВИНТИКОВ

Сталин не признавал кибернетики. И все же ему принадлежит в этой области выдающаяся заслуга: он изобрел запро-

граммированного человека. Сталин - творец винтика. Бывали случаи, когда, прочитав роман Солженицына, люди говорили: "Хочется забиться в уголок и ничем себя не проявлять". Нетрудно представить насколько сильнее было это желание 20 лет тому назад, когда люди были очевидцами массовых расстрелов и других ужасов, когда вечером было неизвестно, где ты очутишься утром. Желание ничем не выделяться, втиснуться в массу, стать похожим на другого, чтобы не обратить на себя внимания, стало всеобъемлющим. А это означало полную нивелировку личности. Когда-то выделение индивида из массы материи означало зарождение жизни, зарождение органического мира. Теперь начался обратный процесс: слияние индивидов в серую массу, возвращение к полностью безорганическому, безиндивидуальному бытию. Обществом овладевает дух серой безликости. Быть личностью считается грехом. "Ты что, особая личность?" - это приходилось слышать десятки раз и до ареста и после. Бригадный метод проникает даже в поэзию и порождает такое чудо, как коллективная поэма. В 1937 г. появляется коллективная поэма "Иван Голота", под которой поставили свои подписи в алфавитном порядке, как в телефонной книге, Бажан, Голованивский, Кулык, Первомайский, Рыльский, Сосюра, Тещенко, Тычина, Фефер, Усенко, Ушаков. Но и этого оказалось мало - через год приказывают создать "Думу про Остапа Нечая", под которой уже стояло 20 подписей. Наверное, это был рекорд.

Вот впечатления одного бывшего члена КПЗУ, которого пять раз арестовывала дефензива в Польше и который после 1939 года попал, наконец, на восточную Украину, о которой годами мечтал в тюрьме: "Поезд пересек линию уже несуществующей границы.

Первая станция на Житомирщине, толпа на перроне. И первое, что бросилось в глаза - однообразная, необычайная для нас серость людей, одетых в фуфайки. Какая-то женщина в красном плаще выглядела экзотическим цветком, чужой и даже крикливой, неуместной здесь". В конце концов, одежда может стать пестрой, даже крикливой, но серость не исчезает. Она не от одежды. И как бы ни рекламировали себя винтики, как бы ни прикрывались коврами, взятыми напрокат в магазине в связи с приездом делегации, посторонний глаз всегда заметит серость - она носится в воздухе, люди дышат ею, не мыслят себя без нее, она стала хлебом насущным.

Наконец, господствующая сила рекомендует себя единым началом, несущим в себе "ум, честь и совесть" всего общества, - тогда торжественно провозглашается "морально-политическое единство общества". Вечный вопрос "куда идти?" для винтика трансформируется в формулу, не требующую никакого умственного напряжения: "Куда поведут".

Человек, лишенный умения самостоятельно различать добро и зло, становится овчаркой, которая зажигается гневом только по приказу и видит только то зло, на которое укажут. Винтик читал в газете о запрещении черным жить в Кейптауне или Иоганнесбурге, о запрещении африканцам жить в городах Южной Африки без пропусков - и считает это произволом. Но его замороженный ум не может сопоставить факты и придти к выводу, что известная ему от рождения прописка является таким же нарушением статьи 18 Декларации прав человека ("Каждый человек имеет право проживать в пределах любого государства"), что в нашей действительности узаконена черта оседлости, и не для евреев, как некогда, а для всех. Тому, кто не родил-

ся в большом городе, отведено гетто для проживания, границы которого кончаются в пригороде Киева, Львова, Одессы. Винтик имеет гневные позмы о Бухенвальде - это позволено. "Пеплом стали ваши сердца, но голос ваш не сгорел". А вот пепел жертв, истлевших в сибирских тундрах, не волнует винтиков. И было бы ошибкой усматривать здесь только страх - это уже черта характера.

Все осуждают преступления фашизма против еврейского населения. И преспокойно ходят по могильным плитам с еврейских кладбищ, которыми выстелены тротуары многих городов. Тротуары вымостили немцы - это правда. Однако, немцев давно нет, а по оскверненным именам умерших и до сих пор ходят во дворах львовской и ивано-франковской тюрем. Ходят доценты и кандидаты наук Ивано-Франковского пединститута. А если к этому времени кто-нибудь успел защитить докторскую диссертацию - то по человеческим именам ходят профессора. В институтском дворе до моего ареста лежала куча плит про запас. Их разбивали и использовали на хозяйственные нужды. Разбивали под аккомпанимент лекций по эстетике и философии. Так будет до тех пор, пока сверху не поступит приказ возмутиться варварством немцев и соорудить памятник из этих плит. А до этого их можно презирать.

Винтик - идеал, лелеемый каждым "тотализатором". Послушный табун винтиков может быть наречен парламентом, ученым советом - и с ним не будет ни малейших хлопот, никаких неожиданностей. Винтик, которого нарекут профессором или академиком, никогда не скажет ничего нового, а если уж удивит, то не новым словом, а молниеносной сменой своих концепций в течение суток. Табун винтиков можно назвать Красным Крестом

- он будет подсчитывать калории в Африке, но ничего не скажет про голод у себя дома. Винтик выйдет из тюрьмы и сразу же напишет, что он там не сидел, еще и обзовет лжецом того, кто требовал его освобождения (как это сделал Остап Вишня). Винтик будет стрелять в кого велят, а потом по команде бороться за мир. И последнее, наиболее важное: после превращения людей в винтики можно с безопасностью вводить какую-угодно конституцию, давать право на что угодно. Весь фокус в том, что винтику даже не придет в голову воспользоваться этим правом.

Неудивительно, что винтика сильно афишировали, выставляя как идеал. И это не история. Это действительность. Где-то в школьном коридоре ученики зачитываются словами Симоненко: "Ми не безлич стандартных "я", а безлич в всесвити ризных", а рядом на стене стандартное дацзыбао, вывешенное пионервожатой, рассказывает о пионерке, спасшей телят во время пожара. Все было охвачено пламенем, крыша могла вот-вот обвалиться, но она выгоняла телят. И если бы пионерка погибла, винтики не увидели бы в этом ничего ненормального, наоборот, выставили бы этот случай, как образец для других.

В обществе винтиков есть законы, охраняющие тигров и удавов от браконьеров. "Гуманизм" дошел до того, что даже посадили в тюрьму людей за убийство лебедя Борьки в Москве. Можно надеяться, что когда-нибудь гуманизм распространится и на людей. Но пока жизнь пионерки ценится дешевле, чем жизнь теленка, лозунг "Все для человека, все для блага человека" серьезно воспринимать нельзя. Ценность личности осознают там только, где она считается чем-то особенным и

неповторимым. Там же, где она превращается в винтик, деталь, которую можно заменить другой, ценность человека измеряется его мускульной силой. Гуманизм в таком обществе воспринимается как фальшивый лозунг, не имеющий ничего общего с действительностью. Теленок - это материально-техническая база, первооснова, в сравнении с которой духовное начало (заложенное в пионерке) является жалкой надстройкой. Теленок - это готовая продукция, пионерка - своеобразное сырье, то что называется - трудрезервы. Во времена людоедства эта пионерка, вне сомнения, ценилась бы дороже: она была бы во всяком случае материальной ценностью, наряду с теленком. В "Известиях" была "воспитательная статья" о кочегаре. Паровоз, который отвез поезд в Финляндию, на финской станции вышел из строя, и надо было гасить топку, чтобы отремонтировать его. Но кочегар решил "показать финнам работу" - произвести ремонт при непогашенной топке. То есть кочегар решил то, что ему "посоветовали" опекуны, старательно сопровождающие его заграницей, чтобы не заблудиться. Газета забыла об этом написать. Как бы там ни было, топку не гасили, и кочегар произвел ремонт с риском для жизни. Финны были поражены, но не мужеством. Просто они впервые видели, как человек ценит свою жизнь дешевле центнера углы. Однако среди винтиков это считается героизмом.

Шагают бараны в ряд,
Бьют барабаны,
Шкуры для них дают
Сами бараны.

(Брехт)

ОРГИЯ НА РУИНАХ ЛИЧНОСТИ

"Здесь меньше иксов", - ответил мне один инженер на вопрос, почему он стал инженером, а, скажем,не искусствоведом. В этом принципиальное различие между так называемыми точными науками и гуманитарными; первые стоят одной ногой на плоскости логики, вторые - на плоскости иррационального рядом с искусством. Так называемый технический интеллигент, твердо уверенный, что философия "занимается глупостями", "переливает из пустого в порожнее", не сумел подняться до простой истины: философия, на которую он смотрит свысока, вытаскивает из тумана иррациональных подспудных глубин предмет исследования и дает ему в руки, чтобы он мог измерять его сантиметром. Дает вещи, переставшие быть иксом и подлежащие измерению сантиметром... Но дело в том, что целый комплекс духовных понятий, благодаря которым человек стал человеком, не поддается ни сантиметру, ни секундомеру. Эта высшая сфера, недоступная прикладным наукам. "Математика, медицина, физика, механика..., чем больше их вкушаем, тем сильнее жжет наше сердце голод и жажда, а грубая наша остолбенелость не может догадаться, что все они суть слуги при госпоже и хвост при своей голове, без которой целое туловище не действительно" (Сковорода). Химик, отнимая и добавляя в колбу вещества, может точно продемонстрировать, какое из них вызовет реакцию. Историк, даже вполне уверенный в своей правоте, никогда не сможет убедительно наглядно показать причины исторического явления: он не сможет точно поставить эксперимент, а имеет дело с абстракцией. После проигранной войны с Японией в 1894 г. китайцы пришли к выводу, что причиной поражения была замена луков кремневыми ружьями. Им доказали, что причина -

полное подавление личности, приведшее к застою в материальном производстве, однако, показать им это, доказать с математической точностью - никто не смог. Недаром Шоу писал: "... главный урок истории заключается в том, что люди не извлекают из истории никаких уроков".

Да, извлечь урок из истории намного сложнее, чем из химии. Это всегда было деспотам наруку: они провозглашали себя авторами всех завоеваний общества, а своих противников - причиной всех зол. Не каждый поймет, что "порядок", установленный Сталиным десятки лет назад, и есть прямая причина современного бедлама в сельском хозяйстве, что "идейность", которой насильно пичкали людей десятилетиями, и есть причина пресловутой безыдейности современной молодежи, а не "буржуазная пропаганда". Когда человека приучают, не задумываясь, брать готовыми все духовные ценности из одного источника, когда в человеке убивают механизм для самостоятельного производства их, - казалось бы, тогда общество должно стать несгибаемым монолитом. Кажется, все условия для этого есть: во-первых, однообразие человеческих потребностей и ценностей; во-вторых, беспрекословное, хотя и наивное поклонение одному идолу, приводящее к единодушию. Казалось бы, такое общество должно быть сильным в военном отношении. Возьмем, к примеру, Китай, где медицинские каноны не изменялись в течение четырех тысяч лет. Китайцы действительно считают свою империю несгибаемым монолитом, самым могучим во всем мире. Но что это? Европейские государства одно за другим захватывали в начале XX века куски громадного централизованного Китая фактически без сопротивления.

Русский дворянин в Лондоне или Париже иронически посматривал на демонстрации и революции, ставшие там обычным явлением, и видел в них слабость по сравнению с нерушимым спокойствием своей матушки-Росеи. О "гнилом Западе" даже создали миф, благополучно доживший до наших дней. Обыватель, впитывая его ежедневно из газет и романов, и не подозревает, что эта премудрость исходит от славянофилов и Достоевского. Уже в середине XIX века на страницах "Москвитянина" можно было прочесть назначение Европе, "старой, гнилой, собачьей старостью больной". Матушка-Росея цвела и благоухала в однообразии и неделимости, а Запад загнивал себе далее, ухитряясь создавать при этом теории относительности и квантов. Россия принимала их с опозданием на 50 лет и с неизменной оговоркой, что Ломоносов предвидел эти открытия двести лет назад, - и дальше продолжала говорить о "гнилости Запада". Типичный образец атрофии мышления! "В Петербурге поют песенки, вышедшие из моды в Париже", - писал Чернышевский сто лет назад. Мог бы написать и теперь. Итак, Россия - могучая, Запад - гнилой. Но что это? Пришла Крымская война - и тогда стало ясно, что о равной борьбе между этими силами не может быть и речи. Русский флот пришлось затопить у входа в Севастопольскую бухту - он не мог не то что победить, но даже стать к бою с англо-французским. Это было столкновение двух миров: одного, считавшего личность основой всякой силы, и другого, видевшего в ней главное зло. Неоднократно побеждал и второй, но окончательная победа всегда оставалась за первым. Это продемонстрировали еще в античные времена греческие фаланги и римские легионы, выглядевшие в сравнении с гигантскими армиями восточных деспотов, как Давид против Голиафа, и все же громившие их - ибо винтикам противостояли индивидуумы.

Такие столкновения открывали глаза многим, но далеко не всем. Большинство способно видеть только последствия: "Вот бы нам их оружие, так бы с нашими порядками чудеса творили". В том-то и дело, что сам "порядок" является причиной отсталости в производстве и вооружении. Винтики не в состоянии заменить свободной, нерегламентированной мысли индивидуума, творческая способность которого является единственным достоянием прогресса. Последний существует благодаря тем, кто сохранил еще какую-то способность мыслить, уберег ее вопреки всем попыткам ее стереть. Человек без "я" становится автоматом, который все выполняет, но ничего не создает. Это духовный импотент, удобрение для прогресса, а не двигатель его. Все тотальные концепции, в какие бы одежды они ни рядились, именно так и рассматривают человека - как удобрение... Но неужели человек прошел длинный путь до гомо сапиенс только для того, чтобы послужить удобрением, а земной шар - грядкой, где деспоты-утописты производят свои безумные эксперименты для удовлетворения своего честолюбия?

Никакая программа не может предвидеть все необходимое для полнокровного общественного развития - с этим может справиться только раскованная творческая сила личности. Прежде чем стать фактором общественного развития и получить поддержку государства, кибернетика должна была сперва родиться и существовать как индивидуальная идея в индивидуальном мозгу. Загнав тысячи рабов за Уральские горы, Петр I поставил Россию на первое место в мире по производству железа - рядом с Англией. Но столетие спустя Англия в этой отрасли опередила Россию в десятки раз! Можно и далее пользоваться методом Петра I - большого ума он не требует. Но на устойчивые результаты надеяться нечего. Причинно-следственный механизм,

в начале которого стоит творческая личность, а в конце - практический результат, очень сложен и скрыт от человеческого взора. Заметить его не легко. Дикарь не мог осмыслить взаимосвязи между ружейным выстрелом на одном берегу и смертью живого существа на противоположном, но механизм взаимодействия между пороком, пулей и ружьем ему все-таки можно было растолковать за полчаса. Если бы так же легко выяснялся механизм общественных причин и следствий!

Подобную мертвенность сеет винтик и в морально-этической сфере. Если кто-нибудь считает столпотворение в Китае порождением фанатизма, а хунвейбинов - фанатиками, он допускает грубейшую ошибку. Во время похорон Сталина тысячеголовые стада толпились и протискивались к праху земного бога, раздавив при этом десятки более слабых, - и мир думал тоже самое - фанатики. Но прошло три года. Забальзамированный труп "далай-ламы" сперва облили помоями, а затем и вовсе выбросили из мавзолея. И что же? Может быть совершился бунт? Может быть тысячи фанатиков оградили святого собственными телами? - Никто не тявкнул! Стадо потопталось на трупе вожака, а потом съело его останки. Те, кого принимали за фанатиков, преисполненных слепой преданности, оказались пустышками... Оказалось, что это просто роботы. Велено было любить и оплакивать Сталина - все нацепили траурные повязки. Их гнев, их горе, радость, энтузиазм - все было запрограммировано. И "гнев" против "предателя Тито", выражаемый общественностью на митингах сегодня, на завтра автоматически превращается в энтузиазм, а сама "общественность", аккуратно построенная штабелями вдоль шоссе от аэродрома к центру, будет послушно и даже искренне держать транспаранты и махать руками.

Так что напрасно старые, устроившись в удобных креслах, удивляются, откуда берутся молодые, у которых нет "ничего святого". Опыт со Сталиным показал, что и у старых не было ничего святого - просто они по свойственной им слепоте и атрофии мыслительных способностей не замечали этого. "Молодые" же, наконец, заметили, что король голый. Это хорошо. Только тот, кто избавился от иллюзий и сумел увидеть разбитое корыто, начнет поиски новых ценностей.

Пустой человек - вот главное обвинение против деспотии и неизбежное ее порождение. Уж если деспот объявляет ум, честь и совесть своей монополией и снимает обязанность выращивать эти качества самостоятельно - то это начало духовного оскудения человека. Но у каждого живого существа есть потребность самовыражения. И если эта потребность не имеет возможностей проявиться в духовной сфере, тогда духовные способности человека становятся ненужными, атрофируются и отступают на десятый план. Не допускается даже мысли о том, что человек может что-то производить самостоятельно.

И до, и после суда нам повторяли, что мы - "выводок Антоненко-Давыдовича и компании". Идея, с точки зрения охранителей, это нечто такое, что может быть внесено в человеческую голову только извне. И когда в среде молодой украинской интеллигенции выросло движение против умственного и морального застоя и шовинистического засилья, кагебисты бросились прежде всего искать: "А кто принес? Кто повлиял?"

Изгнанный из духовной сферы инстинкт самовыражения с удвоенной силой набрасывается на материальную - и вот перед нами человек, освобожденный от духовного нутра, за счет чего чрезвычайно разрасласъ материальная оболочка. Самые низменные страсти определяют мотивы поведения. Однако вслух никто этого не осмеливается сказать. Официально считается, что винтики руководствуются такими мотивами, как преданность, самоотверженность, честь и т.п., но винтик, не обнаруживая их у себя, приходит к выводу, что все эти моральные принципы - просто смешные суеверия, о которых говорят, но на белом свете с ними не проживешь. Так рождается двойственная мораль, ложь становится общественной нормой. Диктатору по инерции воздают почести, все столбы увешаны его портретами, но истинным богом становится "центральный нападающий". Только на стадионе и в забегаловке винтики на мгновение пробуждаются от летаргического сна.

В соединении с директивой винтик получает удивительное свойство умерщвлять все, к чему только не прикоснется. Скажут ему вступить в какое-то новообразованное общество защитников природы - он не откажется, и через месяц общество будет иметь столько членов, сколько есть винтиков, но природе от этого не станет легче. Общество мертворожденных. Винтика не затянешь к живой, полезной работе никаким поводом, как амебу: бесформенная скользкая масса без четко очерченных берегов протечет через любую сеть. Можно проводить самые дикие эксперименты, винтики молча примут их - и вот вырастают заводы в местах, куда запланировано подать энергию через 20 лет, или там, где для них нет сырья. Все производство обречено прозябать в состоянии полураспада.

Так на руинах личности строился и строится порядок, засевающий землю мертвечиной. "Это хуже чумы. Чума убивает без разбора, а деспотизм выбирает свои жертвы из цвета нации" - писал Степняк-Кравчинский.

ДРАКОН

Ледяной ужас, без которого нельзя построить империю винтиков, необходимо потом все время поддерживать. Лед не может существовать вечно в естественном состоянии, поэтому есть необходимость в специальном рефрижераторе. Его должен создавать каждый диктатор - для него это вопрос жизни и смерти. В сталинских владениях таким рефрижератором, который несколько десятилетий замораживает духовную жизнь общества, стало КГБ. Тотальное уничтожение мысли в человеческих головах, массовая стандартизация мышления и жизни наложили на КГБ большое бремя, но вместе с тем и дали в их руки неограниченную власть. Так бывало всегда: орган, которому поручено обескровить жизнь во всех ее проявлениях, растет и гипертрофически разбухает от высосанной им крови. Функциональная роль его прекращается - теперь он уже не исполняет никакой полезной функции в организме и превращается в паразита, который рассматривает организм, породивший его, как свою питательную среду, пищу. С планеты запустили спутник. И вдруг выяснилось, что спутник не только вышел на собственную орбиту, но и похитил вес планеты, сосредоточил его в себе и вынудил планету обращаться вокруг себя. Наконец, он теряет даже видимость связи с организмом, разрастается до размеров дракона и регулярно требует жертв. Как правило, он пожирает даже выкормившего его деспота.

Так было с преторианской армией в Риме, превратившейся из императорской охраны в силу, которая сбрасывала и сажала императоров на трон. Так было с янычарами. Сталин хорошо знал это и боялся, что его ожидает эта участь , поэтому на всякий случай Ежова и Ягоду отправили в рай. И все же закономерность пробила себе дорогу, хотя уже после смерти Сталина новым диктатором чуть не стал Берия.

Дракон становится концентрацией и символом ужаса, необходимого для фабрикации винтиков. Наверное, о положении кагебистов, стоящих над обществом, свидетельствуют в первую очередь не их исключительные материальные привилегии (включая даже отдельные охотничьи хозяйства), а тот магический ужас, который повсюду наводит слово КГБ. Чтобы оправдать свое положение "государства в государстве", органы должны все время создавать впечатление, что они, мол, спасают общество от страшных опасностей. Первым делом они нацепляют на себя вывеску защитников "государственной безопасности". Дракон обязан регулярно пожирать людей, чтобы существовать. Вся энергия направляется на фабрикацию антисоветских заговоров и организаций. Были уничтожены все культурные силы, расстреляно 95% Генштаба, и тогда кагебисты начали стрелять сами себя. Докатились до безумного кошмара, когда на вопрос: "Где товарищ Иванов? Я пришел его арестовать" - получали ответ: "Он недавно ушел арестовывать вас". Взбесившийся гад стал пожирать собственный хвост. При этом истинная функция органов безопасности - охрана безопасности государства - отошла на задний план. Настоящим шпионам был рай. В сумасшедшей атмосфере тотальной подозрительности и шпиономании, когда исчезло реальное ощущение вещей, им было очень легко работать - это показали первые годы войны.

В лагере № 11 находится психически больной эстонец Хейно Нурмсаар, считающий себя пантеистическим богом в человеческом облике. Все зло на земле, согласно его концепции, происходит из-за того, что с ним плохо обращаются. Поэтому надвигается

ледник и до сих пор скованы льдом полярные страны. А вот если его выпустят и станут хорошо кормить - все изменится, и на Северном полюсе можно будет сажать картошку, а он поселится в лесу и начнет там растить деревья и разводить пчел.

Сибиряк Николай Трегубов объявил себя Президентом Объединенной России - так подписывается и в жалобах. И вот кагебисты вместе с лагерным начальством перевоспитывали его артелью - человек десять, серьезно требовали отказаться от антисоветского намерения стать президентом. Сибиряк оказался непреклонным: "Умру президентом!" Обоих отправили во Владимирскую тюрьму как "неисправимых антисоветчиков". Оба признаны симулянтами, хотя всем известно, что это психически больные люди. Третий "властелин мира" Юра Казинский считает себя шаманом. Антисоветские намерения формулирует следующим образом: "Нужно воткнуть в волосы перья, надеть старый бушлат, снять штаны, перевязать ноги цветными лентами и исполнить танец Гремучего змея. Тогда тюрьмы, лагеря и... колхозы (интересная систематизация явлений) перелетят в Америку".Он сидит в карцере за "антисоветчину" и, наверное, вскорости тоже попадет во Владимир.

Так кагебисты обезвреживают многочисленные опасности, угрожающие государству. Это - дом для умалишенных, в котором давно стерлась грань между врачевателями и пациентами. Не только детям, но и некоторым взрослым никоим образом нельзя давать в руки списки, но как ни странно им отдали безраздельную монополию контролировать духовную жизнь общества.

Однако никому еще не удавалось создавать ни вечного льда, ни вечного ужаса. Каждая история с драконом - то ли господствующим над киевлянами, то ли со Смоком, сидевшим внутри

Вавельской горы над Краковым, кончается одинаково: приходит Кирила Кожемяка и ему конец. Механизм замораживания действует только до тех пор, пока есть что замораживать. Но, когда люди уже стали винтиками, механизм автоматически отключается. Винтик не интересуется ни общественными,ни политическими вопросами ("не моего ума дело", "с политикой лучше не связываться"). Это уже сфера вне его интереса. Но во всем другом, например, в оценке футбольных матчей, винтик чувствует себя совершенно свободно и вырабатывает собственные критерии. Поэтому уже следующее поколение винтиков освобождается от чувства полной неполноценности. Оно уже продукт не цепенящего ужаса, а традиции. И каким бы бедным ни был его мир, он основан на здравом смысле. Счет 4:0 лучше, чем 2:0 - тут уж для софистики нет места. А все догмы, которыми усиленно накачивают молодого винтика, находятся в противоречии с его миром элементарных очевидностей, основанных на здравом смысле. Это очень важный момент, когда вместо диктатора богом становится чемпион в тяжелом весе. Против догм никто открыто не выступает, но они уже воспринимаются как нечто чуждое. А поскольку молодой винтик уже незнаком с ужасами родителей, он не осмеливается смотреть на догмы с позиций молчаливого скептицизма и незаметно продвигается на рельсы молчаливой оппозиции - деструктивной, так как конструктивной оппозиционной программы у него нет. Но мысль не стоит на месте - сперва несмело заглядывает, а потом все дальше заходит в запретное пространство истории, философии, литературы. И все, что там увидит, рассматривает уже с точки зрения здравого смысла. Так незаметно совершается чудо - винтик становится человеком!

Дракон еще ничуть не подозревает, что морально он уже убит. Его власть могла держаться только потому, что он украл у людей сознание силы. Раньше на дракона даже боялись поднять глаза, не говоря уже о том, чтобы ковырять-ся в его внутренностях. Теперь он морально убит, и можно смело приступить к резекции. Оказывается, что внутри него больше свинского, чем дьявольского.

Такими путями пришло в украинскую жизнь новое поко-ление и поставило перед защитниками сталинских порядков совершенно новую проблему. Порядок держался на том, что люди сами отказывались от всяких прав и смирялись с беспра-вием. Им можно было обещать все, наперед зная, что давать не придется.

Но вот пришло новое поколение и заявило: "В конститу-ции написано о свободе слова - мы хотим пользоваться ею". Такой вариант не был предусмотрен. Оказалось вдруг, что макет ружья, изготовленный для витрин, может стрелять.

Боги всегда ненавидели Прометеев, освещающих мрак и показывающих людям, что ничего там нет, кроме воплощения их собственных страхов, что сила зла зиждется исключительно на их бессилии.

Очень важно заткнуть рот первому, кто крикнул: "Король голый!" - пока не подхватили другие. Но король действитель-но голый. Это истина. Кому она невыгодна? Тому, кто с окончательной ликвидацией беззакония теряет свои привилегии. Прежде всего кагебистам. Дальше - начальникам и председате-лям, которые предвидят, что при действительном соблюдении всех моральных и правовых норм им не доверят даже свиней пасти. Академику, добравшемуся к своему креслу по трупам преданных в 1937 году коллег. Голому душой шовинисту. Это силы,

рьяно защищающие вчерашний день. Они лежат бревном на пути общественного развития. Им крайне нужно, чтобы люди остава-лись винтиками. И они изо всех сил изображают себя защит-никами "общества" и соцзаконности.

Однако за закрытыми дверями кабинетов у кагебистов как раз другая точка зрения на социалистическую законность. Когда Левко Лукьяненко спросил капитана Денисова, следователя львовского КГБ: "Для чего же существует статья № 7, обеспе-чивающая каждой республике право свободного выхода из СССР?" - последний ответил: "Для заграницы".

Вот оно что! Оказывается, кагебисты прекрасно понимают, что стоят на страже не социалистической законности, а права беззаконно нарушать ее. Насчет своего учреждения они не пи-тают никаких иллюзий. Они ценят его как место, где дают хороший оклад и квартиру вне очереди. Кагебист Казаков при-вез мне письмо от ректора Ивано-Франковского института, где я преподавал раньше. Я заметил: "Если кто-то мне хочет на-писать - пусть посылает почтой". На это Казаков ответил: "Слишком много было бы чести..." Что ж, может быть, дейст-вительно кагебист не может заслужить даже того уважения, каким пользуется наша почта.

Председатель КГБ из Киева, Литвин, заявил мне: "Мы вас арестовали по требованию общественности. Иначе люди бы вас разорвали". Вот странно! Почему же тогда политзаключенных судят при закрытых дверях и ни слова не пишут в газетах? Охранники хорошо сознают непопулярность и незаконность своих действий. Поэтому и прячут от людских глаз политические процессы, тогда как процессы над немецкими полицаями-убийцами широко рекламируются.

Вообще, все способы, с помощью которых КГБ расправляется

с неугодными, представляют сплошную цепь беззаконий. После осуждения Д. Иващенко его жену Иващенко Веру тут же уволили с должности преподавателя украинской литературы в школе № 3. На каком основании? Она долгие годы считалась лучшим учителем, о ее успехах писала пресса, усилиями этой женщины в городе был открыт на общественных началах музей Леси Украинки. Но она отказалась подписать компрометирующие показания на своего мужа, как этого требовали кагебисты - и была выгнана с работы по их указанию. Какой закон дал это право кагебистам - по своему усмотрению выгонять людей с работы?

Студентка Луцкого пединститута Анатолия Панас, выступившая на суде свидетелем, осмелилась рассказать о шовинистическом угаре в Крыму, где она проходила практику как учитель украинской литературы. Ей в лицо бросали: "бандеровка". Учителя, с которыми она работала, откровенно мечтали: "Если бы Ленин был жив, он заткнул бы глотку национальной сволочи", и советовали не разговаривать по-украински, "если вы хотите быть с нами в хороших отношениях".

В статье 66 УК УССР говорится: "Пропаганда или агитация с целью вызвать массовую национальную вражду и раздор, а также прямые или косвенные ограничения прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности" карается законом тюремным заключением от 6 месяцев до 3 лет или ссылкой от 3 до 5 лет. О наказании шовинистов в Крыму никто не вспомнил, но студентке, осмелившейся выступить в защиту закона и своего национального достоинства, организовали провал на госэкзаменах...

Кагебисты всегда разглагольствуют, будто бы им противостоит "кучка отщепенцев", против которых "народ". Но сами-то они понимают, что это ложь. Иначе бы они не прятали политических заключенных от народа за дверями тайных судилищ. Молчащих кагебисты тоже безосновательно причисляют к своему активу. Нынешнее молчание - это далеко не знак согласия. Об этом красноречиво свидетельствует IV съезд писателей Украины. Не только ораторов, но и участников съезда пересеяли так усердно, что в зале "несознательных", казалось бы, совсем не было. И все же съезд явился трибуной, с которой неожиданно послышались голоса в защиту национальной культуры, против шовинистического засилья. "Кучкой" на съезде оказались как раз охранители сталинских пережитков. На белорусском съезде с критикой великодержавных пережитков выступил Быков, на грузинском - Абашидзе. Кагебистский реестр "отщепенцев" катастрофически растет. Марусенко из Львовского КГБ на вопрос Осадчего: "Почему же вы не привезли в Мордовию Новиченко? Ведь он говорил, в сущности, то же, что и мы" ответил: "И Гончара не мешало бы". Ценное признание! Критерии проясняются...

Вот, оказывается, какому обществу служат кагебисты. Это "общество" не прочь посадить за решетку и Гончара, и заместителя Председателя Совета Национальностей Стольмаха, и Малышко, и многих известных интеллигентов, протестовавших против тайных арестов на Украине в 1965 г.

Изолированной кучкой оказываются не те, кто изо всех сил стремится удержаться на шее общества, на месте насиженном и теплом. Круг изоляции этой кучки непрерывно сужается, по мере того, как люди избавляются от рабского страха. Марусенко признал это сам. На вопрос Осадчего: "Как настроена

интеллигенция во Львове?" - ответил: "Часть приняла линию съезда писателей, часть колеблется. Жить по-старому не хотят, по-новому не решаются".

По-старому не хотят, по-новому не могут... Ситуация знакомая: она всегда характеризовала переломные эпохи. Современные события, в частности и на Украине, тоже являются переломными: ломается ледяной ужас, десятилетиями сковывавший духовную жизнь народа. Как всегда, людей бросали за решетку, как всегда, везли на восток. Но на этот раз они не канули в неизвестность. К величайшему удивлению и прискорбию кагебистов впервые за последние десятилетия на Украине появилось общественное мнение. Впервые поднялась волна протестов. Впервые журналист В. Черновил отказался давать показания на беззаконном закрытом судилище. Впервые кагебисты почувствовали, что они бессильны со всем этим справиться. Они с наслаждением попытаются отыграться на тех, кто попался им в зубы, кто находится...

В ЗАПОВЕДНИКЕ

Тут единственное место, где кагебисты свободно могут не придерживаться никаких законов и норм. Тут место, где продолжают ковать ужас. Здесь усилия направлены на то, чтобы убить в человеке человеческое, только тогда он становится тестом, из которого можно лепить все, что угодно. Узник может вовсе не нарушать правил режима, но лишь кагебисты почувствуют, что он не сдался, не признал нормальным состоянием зло и насилие, сохранил достоинство, - на него будут нажимать всеми средствами. И только когда они убедятся, что человек опустился до уровня потребления пищи, только тогда успокоятся.

Осетин Федор Бязов был вором. Потом стал иеговистом и перестал воровать. Казалось бы, "воспитатели" должны быть довольны. Так считал и Бязов: "Что вы от меня хотите? Я же не ворую и ничего дурного не делаю. А верить в Бога никому не воспрещено". - "Лучше бы ты воровал". Это не просто случай. Многим политзаключенным мягко указывали на уголовных преступников: "Они - воры, но они - наши люди. А вы - враги". Морально разложившийся человек - вот стихия, в которой охранители чувствуют себя, как рыба в воде. Кагебист знает, как разговаривать с бандитом. Это готовый доносчик за порцию наркотиков. В нем не нужно убивать такую непонятную, но могучую силу, как достоинство.

Агентов используют не только в роли подслушивателей. Заключенный Лацук был известен как агент КГБ. Об этом знали все: в Тайшетском лагере № 11 в 1958 г. у него из рук отобрали свежесостряпанный донос. В апреле 1964 г. в Мордовском лагере № 7 он ранил ножом Степана Веруна (из группы юристов, осужденных во Львове в 1961 г.). Когда Верун, выйдя из больницы, говорил об этом с капитаном Крутем, последний бесцеремонно заявил: "И голову снесут, если не поумнеешь". (Верун не признавал законности своего приговора).

Статья 22 УК УССР гласит: "Наказание не ставит целью причинить физические страдания или унизить человеческое достоинство". Таким образом все методы давления на заключенных являются нарушением закона. А где те, кто призван осуществлять надзор за соблюдением закона? Прокуратура в Мордовии есть. И неверно было бы утверждать, что она закрывает глаза на произвол или умывает руки. Наоборот, местные прокуроры, засучив рукава, всеми силами помогают кагебистам вершить их

грязные дела. В разговоре с местным прокурором Дубравного лагерного управления я обратил его внимание на то, что, вопреки закону, людей, тяжело болеющих язвой желудка, держат на голодной норме. Он преспокойно ответил: "Наказание в том и заключается, чтобы ударить по желудку". Какое право имеют эти садисты именовать себя защитниками законности?

Обязательный труд для политзаключенных является нарушением конвенции ООН о запрещении принудительного труда. В конце концов, сами кагебисты признают, что труд рассматривается ими как метод давления. Не одному говорили: "Нам не нужна твоя работа, нам нужно, чтобы ты исправился". Заключенного, которого нужно послать в карцер, переводят на тяжелую работу, где выполнить норму невозможно, - и наказывают за невыполнение нормы. Все права заключенных рассматриваются как привилегии, которых можно лишить. Например, Л. Лукьяненко и М. Горыня лишили свидания с семьей в 1967 г., хотя это их право (а не привилегия), которого никто не может отнять. Одно-единственное в году личное свидание с родными - и это могут отобрать. Для сравнения достаточно сказать, что в Англии заключенный имеет право видеться с семьей каждую неделю!

Беспрецедентной является также система воспитания голодом. Всегда и повсюду политические заключенные получали продуктовые посылки в неограниченном количестве. Мы же имеем право на получение двух посылок в год после отбытия половины срока "при хорошем поведении". Нужны ли к этому комментарии?! Необходимый минимум питания, определенный в ФАО (орган ЮНЕСКО), составляет 2700 калорий, граница голодания - 2400. Ниже начинается деградация физических и умственных сил человека. В карцере, где я сижу, "повышенная" норма составляет 2020 калорий. А есть еще ниже - всего 1324 калории. Следовательно, осуществляется непрерывное преступление на протяжении десятилетий. Не следует забывать, что в Нюрнберге судили не только за убийство железом, но и за убийство голодом. Интересно, заинтересуется ли украинский Красный Крест преступлением в Мордовии хотя бы в такой степени, как преступлениями в Африке?

Лагерное питание сделало половину людей больными. Тут вступает в действие новый способ давления - медицина. В конечном счете, чтобы быть врачом или фельдшером в лагере, не обязательно иметь отношение к медицине. В лагере № 7 фельдшером был бывший немецкий полицай Малыхин, убийца многих людей. Он не имеет не только медицинского, но и вообще никакого образования. Зато имеет заслуги перед КГБ. Правда, так бывает не всегда. Теперь нас лечит эстонец Браун, который работал шофером на скорой помощи. Что ни говорите, а случайным в медицине человеком его не назовешь.

В правилах написано, что заключенные, брошенные в карцер, не лишаются медицинской помощи. Но что значат правила, если лагерные врачи даже не скрывают: "Мы прежде всего чекисты, а потом уже медики".

Михайло Масютко болен язвой желудка, находится в тяжелом состоянии. Однако все попытки добиться отправки его, или хотя бы диэтического питания для него, оказались тщетными. Кагебисты в белых халатах говорили: "Конечно, мы должны вас отправить, но нам за это влетит". "Уколов тебе не разрешается". А некоторые бесцеремонно говорят: "Не надо было попадаться". Этим, конечно, анекдоты лагерной медицины далеко не исчерпываются. Случаен ли в лагерях такой высокий процент

психических заболеваний? Исследование роли лагерной медицины ждет своего автора...

Щупальцы спрута крепко держат заключенного после выхода за ворота лагеря. Яреме Ткачуку, осужденному в 1958 г. в Станиславе, капитан Круть сказал: "Житья тебе не будет, если не поумнеешь! Мы сделаем так, что у тебя не будет ни семьи, ни крыши над головой". А мне Казаков пообещал: Еще пожалеешь".

И это не запугивание. В 1957 г. Данило Шумук (находится в лагере № 11) был арестован в Днепропетровске за "антисоветскую агитацию". Майор Свердлов из республиканского КГБ без церемоний признал, что обвинение "липовое". Речь шла о другом. Перед Шумуком, как человеком, который ранее вышел из заключения, поставили выбор: или снова пойдешь за решетку, или будешь доносчиком - как человек, имеющий безупречную репутацию в среде бывших заключенных и не вызывающий подозрений. Два дня Шумука незаконно держали в управлении КГБ, не предъявляя ордера на арест, и уговаривали. Майор Свердлов заявил: "Согласишься на сотрудничество с нами - тут же при тебе разорву ордер на арест и протоколы допросов". Статья 173 УК СССР говорит, что "привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, сопряженное с обвинением в совершении особо опасного преступления, карается лишением свободы сроком до 8 лет". Свердлова никто ни на 8 лет, ни на 8 месяцев не осудил: он имел право безнаказано нарушать все законы. А Шумук снова поехал в Сибирь отбывать 10 лет каторги за то, что остался честным человеком. И теперь, перед освобождением, больного человека, начавшего свой тюремный путь еще в польской дефензиве и отсидевшего за решеткой

27 лет, снова вызывает капитан Круть и обещает: "Тебе житья не будет". Шумук сидит в карцере "за изготовление антисоветских рукописей". Так назвали его воспоминания о пережитом кагебисты: пять арестов в Польше, немецкий лагерь для военнопленных, побег из него и пеший переход через всю Украину - из Полтавщины на Волынь, обход дороги и немецких полицаев.

Когда тебя посадят в карцер - посадят не только за то, что ты "антисоветски выражался", а и за то, что "антисоветски молчал". Заключенный Вовчанский сидит за то, что он "озлоблен против советской власти" - так написано в постановлении. Чтобы попасть в лагерь, нужно все-таки иметь "опасный образ мыслей". А из лагеря путь уже намного короче: в карцер сажают не только за мысли, но и за настроения. Масютко, Лукьяненко, Шумука и меня посадили за жалобы, истолкованные как "антисоветские рукописи". Михайло Горынь не писал никаких рукописей, но его тоже посадили вместе с нами. За что? Капитан Круть утверждает, что он нашел у него докладную записку Дзюбы, адресованную в ЦК КПУ. Богдан Горынь в разговоре с Литвиным и Марусенко спросил: "Является ли докладная записка Дзюбы антисоветским документом?" - "Нет, не является". - "За что же тогда посадили моего брата?" - На этот вопрос Марусенко ответил: "Вышла неувязка". Никакой неувязки не было, Горыня, как и многих других, держат в карцере за то, что они принесли в лагерь правду о событиях на Украине и не собирались умалчивать о ней.

Есть в лагере порядки, целиком и полностью перенесенные из времен Николая I. . У художника Заливахи отобрали написанный им портрет латышского поэта Кнута Скуинека и заставили

самого автора (!) изрезать свое произведение! Может ли такое общество критиковать хунвейбинов? Роботы в мундирах уничтожили все картины Заливахи, какие сумели найти, и отобрали краски. На требование показать закон, позволяющий делать подобные вещи, художник получил ответ: "Я тебе закон!" Капрал сказал правду. Он - воплощение закона, установленного еще во времена Шевченко, которому все же высочайший фельдфебель начертал: "С запрещением писать и рисовать..."

Такими методами перевоспитания пользуются "педагоги", исполненные "мрачной решимости". Каков же результат? Как выглядят "исправившиеся", которых нам ставят в пример, которых снабжают посылками и наркотиками сами кагебисты? Вместе собранных их можно видеть на праздничных концертах 1 мая и 7 ноября. На сцене - редкостная коллекция физиономий, отмеченных всеми возможными пороками, букет преступников всех мастей, будто специально сошедших со страниц учебника криминалистики. Здесь все преступники военного времени, убившие тысячи и тысячи еврейских детей, представители всех половых извращений, наркоманы. Это - хор. Торжественно раздается "Партия наш рулевой", "Ленин всегда живой". Если бы хоть один кагебист действительно верил в те идеалы, защитником которых он себя объявляет, допустил бы он такое? "Исправившиеся" ходят по лагерю с ромбиками на рукаве, где написано СВП (секция внутреннего порядка, то есть вспомогательная полиция). Заключенные расшифровывают эти буквы как "союз военных преступников".

Можно ли после всего этого говорить о том, что кагебисты защищают советскую власть? Наоборот: вся их деятельность

подрывает и компрометирует ее, толкает людей на путь оппозиции.

Финн Вилхо Форсель (находится во Владимирской тюрьме) окончил с отличием Петрозаводский университет и работал в Карельском совнархозе. В качестве переводчика он сопровождал канадскую коммунистическую делегацию по территории Карелии. После поездки кагебисты потребовали от Форселя изложить содержание разговоров, которые вели канадцы с людьми, подходившими к ним. Форсель отказался, заявив, что закон никому не дает права так обращаться с человеком. Тогда ему сказали: "Хорошо, вы еще будете сотрудничать с нами". Несколько дней спустя Форселя выгнали с работы и никуда не принимали.

Черчиль говорил: "Ни один антикоммунист не принес коммунизму столько вреда, сколько Хрущев". Никто другой, как именно кагебисты, перехватили у Хрущева его туфлю в качестве эстафеты и лупят ею по всем трибунам в ООН и вне ее, успешно компрометируя государство, защитниками которого объявляют себя.

Во время обысков у нас регулярно отнимают "Декларацию прав человека". На мое требование возвратить ее Круть ответил: "Декларация не разрешается". Помощник прокурора, с которым я разговаривал, признался, что не читал ее. На "политзанятиях", проводимых полуграмотными капралами с заключенными художниками и писателями, последние однажды вступили в дискуссию со старшим лейтенантом Любоевым (лагерь № 11), ссылаясь на Декларацию. На это он снисходительно ответил: "Слушай, да это же для негров".

Впрочем, нет нужды доказывать, какие именно действия

компрометируют коммунизм. А. Полторацкий, специализирующийся последнее время по хунвейбинам, точно указывает, что следует считать "злостной карикатурой, попыткой дискредитировать веками взлелеянное в мечтах справедливое социалистическое общество". Это прежде всего приказ Мао: "актеров, поэтов, ученых... высылать на перевоспитание в села", т.е. в те самые народные коммуны. "Нетрудно представить себе, что будет с пожилым ученым или писателем, если он,на несколько дней запряженный в соху, попашет землю" ("Лит. Украина", 24 февр. 1967 г.). Действительно, представить нетрудно. Пусть Полторацкий приедет в Мордовию и посмотрит, как высланный на перевоспитание художник Заливаха бросает в топку уголь. На место кочегара его поставили умышленно, чтобы после этой работы у него были убиты все желания, кроме одного - спать.

Если Полторацкому его новое хобби еще не заглушило интереса к лингвистике, могу сообщить, что здесь, как и в Китае, популярно слово "пахать". Всех нас прислали сюда "пахать" с тем, чтобы превратить в бездумных вьючных животных. Но "пашут" не только здесь. И село считается местом ссылки не только в Китае. Уполномоченный украинского КГБ в лагере Гераценко, вымогая от поэта Осадчего "раскаяния", грозил отнять львовскую квартиру и "выгнать на село"!

Компрометацией коммунизма считается принудительное надевание людям на голову колпаков. "То, что работницы ходят по фабрике в разноцветных косынках, сразу бросалось в глаза. Без косынок были ученицы и работницы, не выполняющие нормы. И лишь те, кто перевыполнял, могли надеть красные косынки" ("Наука и религия", 1967, № 3). Если бы это происходило в Женьчжоне или Ухани, Полторацкий тут же заговорил бы о глумлении над человеком. Однако вынужден разочаровать обличителя китайских нравов: такой порядок введен на Ошской швейной фабрике в Киргизии. А коль так, то о глумлении не может быть и речи: это просто метод эмансипации женщин в Средней Азии...

Полторацкий высмеивает китайские стихи: "Генеральная линия партии, весенним ветром обнимая землю, дает жизнь хлебам". Но разве такие стихи можно встретить только в китайских журналах? Слишком уж ограниченным простаком нужно для этого притвориться...

А вот рецензия на рисунки в журнале: "Перенасыщенность черным цветом делает их тяжелыми для восприятия. Редакции указано на необходимость..." и т.д. Где это напечатано? В Китае? Нет, это газета "Молодь Украины" перевоспитывает журнал "Днипро". Нападать на Мао, которому завтрашний Китай представляется как "коммунистическая казарма с голодными, но послушными винтиками-рабами" ("Лит. Украина", 24 февр. 1967 г.) и одновременно указывать художнику, какой краской он должен рисовать... Какой Эверест лицемерия!

Полторацкого более всего поражает "абсолютное отсутствие чувства юмора в Китае"...

"Уж ты поешь - так пой революционные песни,
Если ты читаешь - так читай книги председателя Мао".

Можно незаметно продолжить это стихотворение Лао Чу-цзяна строками наших, отечественных поэтов, из тех, которым делал рекламу Полторацкий, начиная свою карьеру критика. Некрасиво все-таки хулить своих детей...

Газета "Известия" (№ 73, 1967 г.) писала, что "маоисты, открыто бросив вызов марксизму-ленинизму... объявили своей

целью ассимиляцию моханьских (некитайских - В.М.) народов". Если это вызов марксизму- ленинизму, к маоистам следует причислить таких ученых мужей, как Агаев и Кравцов. Их "труды" регулярно печатают в Москве и Киеве...

Когда человека судят за "опасный образ мыслей";

когда инакомыслящих перевоспитывают голодом в карцере;

когда художнику приказывают, какой краской он должен писать;

когда "Декларация прав человека" считается крамольным документом, несмотря на то, что ратифицирована советским правительством;

когда украинский язык на Украине безнаказанно называют "бандеровским" официальные лица;

когда людей, борющихся против шовинистического угара и насилия на Украине, бросают за решетку во времена, когда весь мир переживает эпоху национального возрождения, - все это компрометация государства, которое допускает подобные явления.

И вершина - господство бериевских отпрысков над духовной жизнью общества. Жаль общество, в котором философские проблемы решаются карательными органами за колючей проволокой. Оно обречено на вечное шарахание от кок-сагыза к кукурузе, на большие скачки и на культурные революции. Оно всегда будет принимать Эйнштейна и кибернетику с опозданием на полстолетия - до тех пор, пока КГБ будет регулировать пути развития общества. И всегда в этом обществе будут сидеть за решеткой люди, которые хотят вытащить его из грязи. Это апогей безумия. Один заключенный начал свои жалобы словами: "Безумные лошади... В какие джунгли ужаса, позора и кретинизма думают они нас еще завести?"

В 1946 г. Европа поставила последнюю точку над Нюрнбергским процессом. Кошмары Освенцима стали историей. Гремел Бухенвальдский набат и разлетелись над миром лепестки увядшего на заре жизни маленького цветка - еврейской девочки Анны Франк, от которой остался только дневник. А в далекой сибирской тундре еще царила извечная мерзлота. Там давили танками беззащитных истощенных людей за то, что они требовали человеческого отношения к себе. Одна рука подписывала приговор в Нюрнберге, а другая - приговор голодной смерти сотням тысяч людей в Норильске и Верхоянске.

Завтра я пойду на работу и встречу, как всегда, машину с опилками, выезжающую "на свободу" - за ворота лагеря. И на машину вскочит, как всегда, фигура в шинели, длинной пикой начнет прокалывать опилки до самого дна - каждый сантиметр. Спокойно и деловито. Чтобы под опилками не спрятался заключенный. Правда, закон разрешает наказывать его за побег тремя годами заключения. Убить его никому не разрешено. Это уголовное преступление. И все же робот в мундире тычет пикой раз за разом. Спокойно и деловито. В надежде, что она наткнется на твердое. Это - реклама КГБ: - "Смотри, чего стоят все твои права и законы, на которые ты ссылаешься! Наш самый ничтожный батрак может одним движением проткнуть их насквозь вместе с тобой!"

Но неужели кто-то наивно думает, что за все это не придется отвечать? Что же, на этих пространствах все доходит с опозданием на пятьдесят лет... Но обязательно доходит!

"И когда нас пригнали на проклятую стройку,
Мы увидели кости человеческих ног..."

Эта песня еще будет шагать по концертным залам мира вместе с "Бухенвальдским набатом". Преступление есть преступление, и за ним неотступно ходит расплата. За расстрелянных и умерщвленных голодом придется отвечать тому, кто обокрал их душу, кто высосал из них человека.

У лжи короткие ноги - это известно давно. Но пусть никто не забывает:

У п р а в д ы - д л и н н ы е р у к и !

15 апреля 1967 г.

Валентин Мороз